

Всё началось с того, что мой лучший друг Чельцов решил влюбиться в Мышкину.

Мы оба хорошо знали, что сделал он это прежде всего со скуки. Лето только что закончилось, мы перешли в шестой класс, и первое любопытство от новых предметов — биологии, географии, древней истории — довольно быстро сменилось горьким разочарованием. Выяснилось, что их тоже надо учить: делать какие-то бессмысленные домашние задания, рисовать контурные карты, зубрить даты греко-персидских войн и прочую ненужную ерунду. Стало ясно, что с этим всем надо что-то делать, иначе мы не доживём даже до осенних каникул.

В тот день мы с Чельцовым сидели за соседними партами (за один стол нас давно уже не сажали, помня об истории с чернильницей-невыливайкой, о которой мне просто больно вспоминать) и влюбляться ни в кого не собирались. Через его соседку Сидорину мы перекидывались записками о том, что же нам такое изобрести, чтобы дотянуть до следующего лета было возможно. Мышкина сидела позади меня, и, когда зависть от нашего веселья стала ей невыносима, она громким шёпотом произнесла:

— Санаев! Может, хватит?

Чем и решила свою судьбу.

«Надо влюбиться в Мышкину», — написал я Чельцову. Он прочёл записку раза три и хмуро скосил

взгляд направо, где Настя Мышкина, как и подобает примерной хорошистке, красной ручкой чертила поля в тетрадке и не подозревала, какое счастье привалило ей ни за что ни про что.

«*Зафиг она тебе?*» — написал в ответ Чельцов и ещё пририсовал рядом огромную мышь с клыками.

«*Не мне! Влюбляться будешь ты!*» — ответил я и обвёл мышь неровным сердечком, напоследок пронзив его густо оперённой стрелой.

Честно говоря, лично мне Мышкина никогда не нравилась. Во втором и третьем классах я был влюблён в её подругу Ирку Тартаковскую, ангельское создание с гладко зачёсанными русыми волосами, миндалевидными глазами и низким грудным голосом, который будет звучать у меня в ушах до конца дней. Но Тартаковская съехала на новую квартиру куда-то на Цветной бульвар, подарив мне на прощание переливающийся заграничный карманный календарик, и я потерял её во всех смыслах. После отъезда подруги звание самой симпатичной девочки в классе автоматически перешло к Насте Мышкиной, но мне, в отличие от остальных парней, она была как-то не очень интересна. Во-первых, Мышкина казалась мне чересчур стеснительной: при общении с мальчиками она могла либо преглупо хихикать в кулак, либо незатейливо обзываться, и нормальной коммуникации с ней всё равно никогда бы не получилось. Во-вторых, хоть внешне она была в целом ничего, даже несмотря на ярко выраженную лопухость, но сравнения с Тартаковской не выдерживала никакого, и уже одно это не могло мне позволить иметь на неё какие-либо виды.

У Лёхи Чельцова таких принципиальных нравственных ограничений не было. У него их вообще было немного: он жил легко и был готов на любые приключения, которые позволили бы скрасить бесконечные сорокаминутные школьные пытки. В ранней молодости Чельцов снимался в кино и однажды под это дело отпросился из школы чуть ли не на целый год: ему дали главную роль в каком-то детском фильме. В школу он вернулся настоящей кинозвездой, и хотя сам никогда не кичился своей популярностью, но привычки к весёлому образу жизни утратить уже не смог и к учебной успеваемости относился весьма легкомысленно.

На этой почве мы и сошлись. В начале третьего класса я как раз искал себе нового лучшего друга, готового на приключения в режиме двадцати четырёх часов в сутки, а Чельцов после возвращения в школу тоже был не прочь подружиться с кем-нибудь, у кого, как выражалась наша классная руководительница Тамара Михайловна, «голова не так пришта». Мы нашли друг друга мгновенно.

К тому же выяснилось, что мы с Чельцовым рядом живём — каких-нибудь пять остановок на троллейбусе в Москве за расстояние не считаются. Очень скоро мы принялись за различные проделки — в школе и за её пределами, и границ для нас в этом занятии не существовало.

Поэтому идея влюбиться ему пришлась вполне по вкусу: она могла как-то разнообразить наш повседневный быт от звонка до звонка, от раздевалки до раздевалки. Конечно, на большой перемене он немного

поартачился, уговаривая меня выбрать жертвой вместо Мышкиной свою соседку Сидорину — она и сидит ближе, и не краснеет как рак, если у неё банальный циркуль попросишь на уроке. Но в конце концов согласился с моим аргументом, что это будет слишком просто: как-то раз, когда Сидорина забыла дома свою тетрадь по русскому, он щедро вырвал из своей тетрадки листочек и дал ей, после чего она была уже практически у него в кармане (не тетрадка, конечно, а Сидорина).

— Мышкина так Мышкина, — глубокомысленно заявил Чельцов, следя глазами за тем, как наши одноклассники режутся во вкладыши от жвачек на подоконнике школьной рекреации. Сам Чельцов хлопать вкладыши умел плохо и уже продулся до такой степени, что ему было всё равно, Мышкина или кто другой. Сам объект его новой пылкой страсти прогуливался со своей подругой Яндугановой невдалеке от нашей компании и о своей судьбе всё ещё не догадывался.

Так началась эта история, и ни я, ни мой друг Чельцов, ни Мышкина с Яндугановой, ни кто-либо другой из нашего 6-го «А» — да что там, из всей нашей английской спецшколы не мог даже представить, какие удивительные приключения ждут нас на пути к сердцу нашей одноклассницы.

Диспозиция родилась тем же вечером, когда мы сидели у Чельцова дома и хрустели «Московской картошкой», купленной в киоске на последние двад-

цать пять копеек, завалявшиеся у меня в кармане куртки. Чельцов сидел на диване, а я расхаживал по комнате и изобретал стратегию нашего нового начинания, которое нам обоим казалось настолько увлекательным, что мы даже домашку решили не делать. В углу комнаты сиротливо валялась болоньевая сумка с теннисной ракеткой: ради такого важного дела я решил в который раз прогулять свою тренировку по теннису.

— Любовь надо планировать, Чельцов, — говорил я, похрустывая картохой (иноземного слова «чипсы» мы тогда не знали), — а не бросаться в неё очертя голову. Только тогда она будет взаимной и потому счастливой, на всю жизнь. Ты ж помнишь, что было, когда в меня влюбилась Астафьева?

Чельцов помнил. Марина Астафьева любила меня со второго класса, потому что я сидел рядом с ней за партой и периодически со скуки веселил её какими-нибудь безобидными выходками. Но в четвёртом нас рассадил, и Астафьеву вдруг переклинило. Она принялась писать мне любовные записки, бомбила телефонными звонками и угрожающе звала в гости. Портить с ней отношения не хотелось, поскольку она была ценным ресурсом для списывания домашних заданий, но в гостях у неё мне всякий раз было тягостно. Бабушка Астафьевой мучила меня бесчисленными вопросами о том, кто мои родители и как мы живём, а проклятый пудель под столом постоянно норовил наброситься на мою ногу, мастерски уворачиваясь от ответных ударов. В итоге я стал брать с собой в гости Чельцова, чтобы он своим придурковатым

поведением немного сбил с моей подруги страсть. В такой обстановке у нашей с Астафьевой любви не осталось никаких шансов, но она этого не понимала и отстала в итоге только с наступлением лета — которое, как известно, стирает из головы школьника всё бывшее.

— Ну а как? — спросил Чельцов. — Что мне, в любви ей не признаваться?

— Ни в коем случае! — Я отнял у него пакет с остатками картошки и высыпал их себе в рот. — Твоя главная задача — чтобы Мышкина вообще не узнала о твоих чувствах. Более того, она должна думать, что ты к ней безразличен.

Выражение лица Чельцова вполне соответствовало задаче.

— Так а как же она узнает, что я влюблён-то в неё? Ты, Санаев, совсем того, похоже.

— Ну... — Я помялся, потому что сам не очень понимал предложенную стратегию. — Ты относишься к ней вежливо, по-доброму так, и в то же время с достоинством. А про то, что ты её любишь, ей может сказать, к примеру, кто-нибудь другой. Например, Сафроненко...

В тот вечер мы придумали ещё с десятков планов, один хитроумнее другого, трижды звонили Сафроненко, который так и не понял, чего от него хотят, и в конце концов решили, что Чельцов должен сделать первый шаг настоящего мужчины, а именно, под каким-нибудь благовидным предлогом отправиться к Мышкиной домой.

Определив для себя эту задачу-максимум, мы до поры выкинули несчастную Мышкину из головы

и принялись сортировать вкладыши от жвачек, чтобы завтра взять реванш у наших более удачливых оппонентов по этой азартной, но короткой игре, так хорошо подходящей десятиминутным школьным переменам.

Через пару дней мы снова что-то прогуливали, слоняясь по улицам микрорайона и пиная осенние листья, и я вспомнил про наш хитроумный план.

— Нельзя откладывать! — закричал я. — Ты должен быть у неё уже сегодня!

— Завтра контроша по английскому, — грубым голосом откликнулся Чельцов, бросая мне прямо в лицо то, что я всеми силами старался позабыть.

— Ну и что, — не успокаивался я. — Вот и скажи ей, что хотел бы посоветоваться с ней по поводу какого-нибудь Present Perfect. Потому что это ведь хрен пойми что: вроде время настоящее, а переводится на русский прошедшим.

Легенда получалась вполне правдоподобная, потому что Чельцову английский давался неважно. Наш класс уже год потешался над тем, как в ходе очередной проверки знаний Чельцов при переводе предложения «*Come on friends, the whole world is before us!*» («Пошли, друзья, весь мир перед нами!») запнулся от незнакомого слова и толкнул меня локтем:

— Санаев, быстро: как переводится *whole*?

— *Hole*? — переспросил я машинально, совершенно не обращая внимания на текст. — Ну дыра... Или нора.

— «Пошли, друзья! — на весь класс заорал Чельцов. — Мировая нора перед нами!»

Подождав, пока уляжется хохот, Татьяна Николаевна тогда согласилась, что с философской точки зрения мир — это всего лишь большая нора, но трояк с двумя минусами Чельцов всё равно огрёб, потом огрёб ещё и ремня от своего деспотичного папы, и историю эту вспоминать не любил.

Весь класс прекрасно знал о чельцовских успехах в английском, и даже Мышкина должна была об этом помнить, так что естественность такого повода для звонка была нам обеспечена.

Сказано — сделано. В то время мы никогда и ничего не планировали на завтра: во-первых, неизвестно, что там завтра случится, ведь завтра — это очень далеко, а во-вторых, любые планы не терпелось воплотить сегодня, не откладывая. Я напомнил Чельцову древнюю немецкую пословицу, которую моя бабушка невесть как сберегла из своей постреволюционной юности и вечно цитировала: «Завтра, завтра, не сегодня, так ленивцы говорят». Возразить ему на эту вселенскую истину оказалось нечем, поэтому мы отправились к ближайшему телефону-автомату, выпросили у какой-то проходившей мимо тётки две копейки («срочно позвонить больной маме») и срочно позвонили Насте Мышкиной.

Надо сказать, что всё прошло для первого раза достаточно слаженно. Мышкина была несколько ошарашена и наверняка густо покраснела, но через телефон этого видно не было. Зато Чельцов дваж-

ды назвал её «Настя», что в школе было совершенно не принято, и для неё это, вероятно, прозвучало небывалой нежностью, так что она весьма быстро согласилась, чтобы он приехал к ней с целью совместно подготовиться к контрольной по английскому.

Разумеется, от такой удачи у него отшибло мозг, и он повесил трубку, забыв сообщить своей новой пассии небольшую деталь: с ним вместе приеду я. Но мы решили, что перезванивать второй раз не стоит, а то она, чего доброго, передумает, и вообще все девчонки любят сюрпризы. Некоторое время мы потратили на обсуждение того, что привезти ей в качестве подарка, но денег у нас было ровно ноль, хрустящую картошку мы съели, а в киоске нам грубо отказались дать в долг даже жевательную резинку «Кофейная». В конце концов мы набрали под каким-то клёном жёлтых листьев и сделали из них подобие букета, который, как счёл Чельцов, вполне достоин того, чтобы поставить его в вазу, и будет красиво.

Пока мы занимались подготовительной работой, прошло ещё часа два, и только потом кто-то из нас вспомнил про Мышкину. Так что заявили мы к ней, когда уже смеркалось, и начисто забыли про английский язык и его странную систему глагольных времён.

Мышкина открыла нам дверь бледная и испуганная. Она явно была всё это время на нервах от ожидания, а увидев нас вдвоём, и вовсе растерялась. Но про английский язык она тоже не вспоминала, так что всё началось хорошо.

В тот день главным открытием для нас было то, что Мышкина жила в квартире с целыми двумя

бабушками. Учитывая опыт с Астафьевой, мне показалось это не самой многообещающей новостью, но на этот раз бабушки оказались вполне дружелюбными. Одна из них вообще никогда не выходила из своей комнаты, где царил полумрак и аромат каких-то благовоний, так что казалось, чтоходишь в пещеру седовласой средневековой колдуньи. Бабушка полулежала на большой кровати в дореволюционном наряде и смотрела на вас очень вдумчиво и серьёзно, так что возникало желание немедленно забиться куда-нибудь в угол. В этой комнате невольно хотелось говорить только шёпотом, и все так и делали — кроме самой бабушки, которая задавала вопросы чётко, ясно и хорошо поставленным голосом, обращаясь к нам «молодые люди». Отвечать на эти вопросы было мучительно страшно: всегда чувствовался риск, что ляпнешь что-нибудь не то, и бабушка (которую мы немедленно прозвали Грозной) уничтожит тебя каким-нибудь лучом из левого глаза. Но она реагировала на чепуху, которую мы несли, вполне благосклонно, оставаясь при этом без движения на своих бесчисленных подушках. В ином положении я никогда её не видел. Чельцов позже признавался мне, что неизменно испытывает благоговейный трепет при взаимодействии с Грозной бабушкой, и я, надо сказать, его понимал.

Вторая бабушка, напротив, была живой и непоседливой, в меру говорливой и добродушной — она получила кликуху Весёлая. Пока Мышкина краснела и подбирала слова, Весёлая бабушка молниеносно усадила нас пить чай с ватрушками, на кото-

рые Чельцов накинудся так, будто ему было сказано влюбиться не в Мышкину, а в ватрушки. Я больно пнул его под столом ногой и сделал страшные глаза, чтобы он не забыл следовать задуманному нами сценарию. Ведь, согласно первоначальному плану, ему полагалось сделать Мышкиной какой-нибудь комплимент. До этого мы сроду ничего подобного девочкам не говорили, разве что «козырный ластик, дай попробовать», но это комплиментом никем не воспринималось. Трясаясь в трамвае, мы придумали несколько вариантов комплимента, но «красивые глаза» Чельцов просто не мог произнести, а «клёвая причёска» не пригодилась, поскольку у Насти причёска была точно такая же, как всегда, — обычная коса.

— Главное, не говори ей, что у неё красивые уши! — хохотал я и теперь жалел об этом, потому что мы оба помимо воли постоянно смотрели на мышкинские уши, отчего и они, и их хозяйка наливались краской ещё больше.

— Отличные ватрухи! — в конце концов выпалил Чельцов и попал в точку, завоевав сердце если не Мышкиной, то Весёлой бабушки, что со стратегической точки зрения было не менее важно.

Именно поэтому, когда мы сожрали всю выпечку в доме и собрались уходить (абсолютно не затронув проблему Present Perfect в английском языке), обе наши собеседницы любезно проводили нас до двери, а бабуся ещё и предложила:

— Приходите ещё!

Мы пообещали, что непременно.